

Пропали мы, пропали!..

Пропали мы, пропали. Тайгу вырубил — и сидим без дров. Газ провели соцстранам, а теперь — ни газа, ни соцстран. Один Фидель Кастро остался, а сколько он еще продержится, кто угадает? Судя по кубинцам, машущим в нашу сторону кулаками, продержится чуток пока, а судя по нашим дикторшам — конец ему. Ухмыляются на экране: «Вот так товарищ Кастро взбадривает народ...» А на экране в эти минуты тощие мулаты поднимают тяжелые лозунги: «Смерть капитализму!» и «Родина или смерть!..» Надоело мне дома быть, когда социализм вымирает, когда глупые дикторши науськивают на него, кого угодно в мире, а Фиделя, нашего ближайшего соратника и друга, на посмешище выставляют. Мол, нефть мы ему возим. А кому нефть мы не возим? Неужели нашу нефть сам Фидель на себе обязан возить в Гавану? Даем, значит — и возим! Надоело...

И, побрившись, - на пенсии нахожусь, я решил заглянуть на разговор к парторгу. Василий Фомич, уважаемый парторг, с большой буквы парторг. Пусть он сейчас в ЖЭК переехал со своим сейфом и убеждениями, но был парторгом исключительным в период совместной нашей работы в институте Главтопливопродукт. Институт — могучий, держал связь широкую: соцстраны, капстраны, развивающиеся страны, слабые страны и т.д.

Василий Фомич перед партийной должностью, перед тем, как нам его избрать в парторги, длительный срок честно находился в кресле районного прокурора в Москве. А московский прокурор, особенно районный — святой человек и бесстрашный. Взятки районному прокурору не очень дают: — вышестоящий имеется, а подлостями практике учат, ведь все низовые преступления начинаются на местах, а дальше — растут, благородные чиновники, до министров и выше. Потому районному прокурору и брать много не из чего, и робеть, то есть — терять, тоже нечего. Районные прокуроры — матросовы, заслоняющие грудью Отчизну.

Как мы Василия Фомича избрали, партком сразу преобразился: учеба по Марксу, не так-сяк, а по Марксу, как при Ленине, учеба по экономике, а правильное — постижение

экономики, учеба в процессе перестройки — межрегиональные противоречия и механизм торможения. Мне, до смерти не забуду, приятно, как Василий Фомич вызвал нас для уплаты взносов. Тося, секретарша, в парткабинете чай пьет, симпатичная и моложавая, круглая с четырех сторон, вроде огородной тыквы, номер ваш пальчиками тук, тук, тук, и голос Василия Фомича в трубке:

— Мухин?

— Так точно, Мухин!

— Ко мне!..

Бежишь, светлеешь в дороге душой. От кабинета до кабинета ноги тебя несут по воздуху. Прибегаешь, а моложавая круглая Тося пальчиками тук, тук, тук, и голос, близкий, понятный, Василия Фомича голос: — Бабочкин, ко мне!.. — Не успеешь расписаться в ведомости — Бабочкин за твоей спиной шумно в ухо дышит. Порядок.

На трибуне Василий Фомич держался твердо, прямо и не долго, а этак пятьдесят одну или пятьдесят две минуты. Краткий очерк о международной ситуации, о прочности соцлагеря, о шаткости каплагеря, о санаторных лагерях трудящихся, о пионерлагерях, если дело шло к лету, и общие инструкции по текущим вопросам. Все.

Первейшее — партвзносы. Василий Фомич напоминал, что партвзносы — ленинская установка, партвзносы — фундамент и надежда партии, ее моральный огонь. И бежали мы в день партвзносов из кабинетов до партийного кабинета, уловя сердцем фразу: «Ко мне!..» Даже очередь толкалась возле Тоси, перед полированным столом Василия Фомича. Лишь уплатить — вернуть долг ленинской партии, а там — конец мучениям и нервозностям.

Зашел я к Василию Фомичу. А Василий Фомич, теперь парторг над нами, пенсионерами, в ЖЭКе, не узнать его: веселый, хоть и без Тоси, рассказывает сослуживцам, пенсионерам Главтопливопродукта, о поездке в Америку за счет кооператива «Самсон»

— фонтаны и пруды во дворе дач делает и надувные лодки. Рассказывает Фомич, удивляется и сигару курит. У нас-то и окурка у друга не найдешь. Дефицит. Теперь и рукомойник, жестяной урыльник, как раньше, до революции, их назвали, — дефицит.

Воскликает Фомич: — Хэ, хэ, друзья, как вы без меня?.. — Вернулся из Америки, сидит, и в голове у него шарабанит, варит: «Америка, думаешь — вода, а выпиваешь — чистейший ячменный виски. И дешево, стакан — доллар. Костюм, вот этот, с примесью антрацита, три доллара, без примеси — восемь. А кто скажет, что он с примесью? У них марксизм — на производстве, у нас же марксизм — эмоциональный ещё... Шумим».

И прибор, повышал тон Фомич, не шутка, а диковинное поручение, «жучок», по-нашему, выполняет. Ленин и во сне не видел партию без взносов. Взносы — ум, честь и совесть партии! Другое дело, куда идут взносы, кому идут взносы, не всегда ясно. Но что взносы основа нашей партии — иных толкований нет и быть не может. Вперёд к Ленину! Механизм торможения безжалостно ломаем, не дрогнув, а механизм ускорения, с помощью американских бизнесменов, изобретём новый, на солнечных батареях построенный!..

Жучок, катаясь по кабинету, сперва бормотал: «Хек вам, хек вам!», а молодые коммунисты быстро научили его русскому переводу: «Партвзносы, партвзносы!..» В общем работает нормально, не хуже, чем у них работал, на родине. Парторг ткнул в свой лоб пальцем и сказал: — Тут есть!..

Оказывается: парторг тайно забирал, прятал прибор в карман пиджака и уносил домой. Дома, поужинав и почитав подробно газету «Правда», парторг располагался на обширном диване и принимался тренировать жучок:

— Хек вам!.. Хек вам!.. — заразительно приставал парторг.

— Хек вам, хек вам!.. — повторял жучок.

— Партвзносы, партвзносы!.. — перекладывал парторг.

— Партвзносы, партвзносы!.. — осваивал жучок.

И зубрёжка учащалась, подряд, подряд, без разминки и паузы:

— Хек вам!..

— Партвзносы!..

— Хек вам, хек вам!..

— Партвзносы, партвзносы!..

И наоборот:

— Партвзносы, партвзносы!..

— Хек вам, хек вам!..

Врывалась в комнату жена парторга Марья:

— Ты рехнулся и автоматического жучка рехнул, ошарашенный горбачёвец, ну!..

Супруга прокурора, то есть — парторга, генетик: Марья Авдеевна обожала в муже, Василии Фомиче, раскрепощённость натуры, свободную энергию фантазии. Фомич, когда они пообедают, в выходные дни брал ее за талию и усаживал на широкий диван. Мария слыла толстухой, удачливой и благородной. Правда, слухи как-то прошуршали возле подъезда ихнего, будто Марья рассекретила генетический код какого-то Члена Политбюро и чуть не попала в опалу, да замял «дело» прокурор через юридический блат и политическую сноровку.

Брал прокурор её за талию: «Мань, к чему тебе генетический код Членов Политбюро, ты лучше расшифруй генетический код неплательщиков партвзносов, злостных аферистов, творившихся в партийной массе. Вот жучок американский — удивительная вещь. Нельзя ли, Маруся, хоть он, жучок, и частично из металла, частично из пластмассы, нельзя ли, Маша, размножить, расплодить его?..»

Детей у них не было, и Мария Авдеевна знала: она в этой тайне виною, потому при слове «размножить» или при слове, особенно, «родить», Марья вздрагивала и замуривалась. А тут ещё — «расплодить»!.. Мария Авдеевна прижалась к супругу, боязливо и виновато:

— Зачем, Вася?

— А подбросить в квартиру всем коммунистам, членам КПСС, подбросить!..

— И дальше, Вася? — усумлялась покорная Маша.

Прокурор тихонечко трепал её за толстую талию. Марья Авдеевна молекулярный генетик, и покушать не чуралась, ежели, скажем, курица ей попадалась в столовой или американская тушенка. Василий Фомич и потрёпывал жену за талию: — А, Маня, двадцать миллионов партийцев, и представь, каждый утаил по три рубля от взноса в месяц? Шестьдесят миллионов, цифра? А разве по три рубля и разве только за месяц утаивают? Подошло к ним жучка — заёлзают!..

Да, Америка Ленину спать не давала, индустриальная держава, Сталин тянул народ до Америки, а Хрущёв перегнуть настроился, но в пути законфликтовал с членами Политбюро и надорвался.

А теперь — жучок? Замечательное насекомое. Недаром Василий Фомич в Америку въехал с большим партийным стажем и политическим равновесием; лишнего не болтать, на чудеса рот разевать не без контроля, в идеологических сварах — давать бой с ходу и класть противника на лопатки. Возвращаться гордо, без спешки. Но случилась трагедия. Случился сверхтормашковый перекрут мыслей и преданности.

Я, было, о дикторшах и Фиделе, а Василий Фомич: — Бросьте, Фидель в типичного партаппаратчика выродился. Ездит по Кубе мимо американского саморегулирующего рынка. Рукой подать — рынок!.. — И Фомич затянулся зловонной сигарищей. Потоквал, потоквал: — Перестройка — не хухры-мухры, а великий революционный переворот. Мы, товарищи, с вами все, без исключения, стояли на голове, а теперь перекувыркиваемся — и — на ноги, поняли?..

О технике повел мысль. Мол, вот вам пример. Взять от вас партийные взносы — не чепуха, хотя некоторые и грамотно полагают. Взять от вас взносы — с девяти утра до восемнадцати часов я на телефоне, как на мостике командир корабля. А у них, у американцев, прибор. И умещается такой штуцик во внутреннем кармане пиджака. Прибор, бегающий по кабинетам затачивать клеркам карандаши. Сидишь — тлинь, тилилинь, вроде наш валдайский заливистый колокольчик. Сунул ему в пасть карандаш — готово. К следующему побежал.

— А я звоню вам, каждому звоню! — горячился прокурор, теперешний парторг наш... Горячился-то, горячился, а предложил весьма трезвое и прозорливое мероприятие: использовать американский заточечный прибор для оповещения сбора партийных взносов пока в ЖЭКе, а там и по стране благой зверёк приживётся.

В ЖЭКе Фомич выслушал меня, но не принял моих патриотических опасений, поздно опасаться: лагерь социалистического уже нет. А капиталистический лагерь нам не страшен, в отличие от наших — цивилизованный лагерь — если внутрипартийные отношения мы перемонтируем на демократизационно-рационализаторские и на права человека. Вынул Фомич из кармана шикарного пиджака прибор, включил. И прибор быстро, быстро побежал по коридору ЖЭКа, из коридора в кабинет бухгалтера, из

кабинета бухгалтера в слесарку, ликуя: «Партийные взносы!», «Партийные взносы!..» До чего же вонючее изобретение! Пропали мы, пропали. Задержают.

Не поймешь, не то — ползет-бежит, не то — бежит-ползет, но произносит удлинено, по-русски. Василий Фомич объясняет — перевели. А по-американски фраза бы звучала оскорбительно: «Хек вам! Хек вам!..»

Полная модернизация. Говорят наши закупили таких «жучков» на золото и загрузили ими несколько пароходов. Везут. Могли бы и Фиделю немножко дать. А механизм торможения, не отрицаю, к сожалению, имеется, но беда не в нем. Беда в том, что тормозить пока у нас нечего. А жучок, хотя и американский, на приказ «Ко мне!..» бежит, гад, без переводчика, во что значит — партийная дисциплина!..

1990